

УДК 94(100) "653": 930.1 (477): Смирнов

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ КРЕВСКОЙ УНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. П. СМИРНОВА (1833–1877)

Лиман С. И. (Харьков)

В статье рассматривается научная концепция Кревской унии (1385), выдвинутая профессором Новороссийского (Одесского) университета М.П. Смирновым в его главном исследовании - докторской диссертации «Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей». Это была первая законченная научная концепция Кревской унии в дореволюционной общероссийской историографии. По мнению М.П. Смирнова, помимо вопросов внешнеполитической безопасности, польские магнаты, шляхта и духовенство путём унии рассчитывали при слабом короле Ягелло ещё более укрепить своё могущество как в самой Польше, так и в инкорпорированной Литве. Саму Кревскую унию, по-разному трактуемую в Польше и Литве, М.П. Смирнов считал межгосударственным союзом.

Ключевые слова: Кревская уния, М. П. Смирнов, Ягелло, Польша, Литва.

История государственного строительства в средневековой Европе богата примерами межплеменных объединений. Результаты этих объединений рождают искушения поиска исторических аналогий, а в условиях нынешней евроинтеграции дают уникальный материал для аналитических прогнозов как еврооптимистам, так и евроскептикам. Одним из примеров подобной интеграции следует считать Кревскую унию Польши и Литвы (1385). Её причины, ход и последствия рассматривались отечественными исследователями ещё в XIX в. Первой крупной работой в этом направлении, подготовленной в Российской империи, стала докторская диссертация профессора Новороссийского (Одесского) университета М. П. Смирнова (1835–1877) «Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей» (1868).

К сожалению, данная работа не обратила на себя должного внимания авторов обобщающих историографических изданий как советской, так и постсоветской эпохи. Некоторые сведения о М. П. Смирнове, преимущественно биографические, содержатся, помимо некрологов [см.: 7, с. 5–8], в юбилейном труде А. И. Маркевича [10, с. 176–179], двух кратких статьях – Н. П. Митиной в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России» [11, с. 308–309], Т. М. Поповой и В. В. Самодуровой – в биографическом словаре «Професори Одеського (Новоросійського) університету» [13, с. 138–140]. Для характеристики творчества М. П. Смирнова определённый интерес представляет рецензия на его докторскую диссертацию М. Кояловича [8, с. 149–169]. Со своей стороны мы в своей монографии показали основные вехи творчества М. П. Смирнова как медиевиста, но в контексте развития отечественной полонистики [9, с. 344–347]. Между тем содержание главного труда М. П. Смирнова заслуживает того, чтобы ему была посвящена отдельная публикация. Без анализа монографии М. П. Смирнова трудно оценить не только отечественную полонистику

XIX в., но и историю средневековых династических союзов, в которых, по верному выражению В. А. Якубского, «феодальные круги искали решения своих внешне- и внутривосточных проблем» [17, с. 28].

Михаил Павлович Смирнов родился в Петербурге, в офицерской семье (по другим данным, в семье секретаря Царскосельского дворцового правления) [13, с. 138]. Т. М. Попова и В. В. Самодурова называют точное время его рождения – 22 сентября 1833 г. [13, с. 138]. Однако опечатка в ранее изданной статье Н.П. Митиной, где датами его жизни значатся «1883 – 1877» [11, с. 308], не позволяла установить этот год. В то же время, например, А. И. Маркевич указывал, что М. П. Смирнов окончил историко-филологическое отделение Педагогического института в 1855 г., «имея не более двадцати лет» [10, с. 176]. Следовательно, годом его рождения он считал 1835. Отметим, что в откровенно лаконичной статье о нём в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» дата его рождения отсутствует [16, с. 534].

После окончания Педагогического института М. П. Смирнов был назначен адъюнктом в Одесский Ришельевский лицей, в котором, после преобразования лицея в Новороссийский университет (1865) стал экстраординарным, а с 1868 г. – ординарным профессором. В 1860 г. М. П. Смирнов защитил магистерскую диссертацию «Судьбы Червонной или Галицкой Руси», а в 1868 г. – докторскую диссертацию «Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей». Предполагалось, что она станет лишь первой частью обширного исследования о государственной политике Ягелло (Ягайло). Однако административные обязанности факультетского секретаря, в 1871–1874 гг. – декана, в 1874–1877 гг. – проректора, и долгая болезнь учёного оставили эти планы неосуществлёнными. При этом сама болезнь стала следствием его работы над указанной диссертацией. Согласно заявлению вдовы М. П. Смирнова, «преждевременная

смерть его наступила от усиленных учёных занятий» [14, с. 13–15]. В 1867 г. учёный на длительное время отбыл в командировку для сбора в архивах Вильно материалов для диссертации [12, л. 1–3]. Во врачебном свидетельстве говорилось, что из Вильно он вернулся «в крайне изнурённом и болезненном состоянии, вследствие перенесённого им там тифа». Кроме того, по заключению врача, последующая болезнь лёгких М. П. Смирнова наступила из-за его длительного пребывания в архиве и вредной архивной пыли [14, с. 13–14].

М. П. Смирнов обратился к изучению польско-литовской истории как раз в то время, когда в российском обществе и отечественной историографии отмечалось небывалое господство полонофобских идей. В то же время мы не можем считать, что своим творчеством учёный выполнял исключительно политический заказ. Его докторская диссертация в тематическом плане стала продолжением магистерской, защищённой в 1860 г., то есть ещё до Польского восстания 1863 г.

В объективности автора убеждает сама источниковая база его работы. Она включала в себя польские, литовские, немецкие, русские письменные источники (Хроники Галла Анонима, Яна Длугоша, Первая и Вторая Псковские летописи, Новгородская летопись и др.). Истории польско-литовской унии М. П. Смирнов предпослал очерк внутреннего состояния двух государств и характеристику их взаимоотношений как друг с другом, так и с соседними странами. При этом исследовательский приём учёного включал в себя указание на неразрывную связь социально-экономических, внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов.

Автору по-настоящему трудно было сохранить свою научную объективность лишь в начале работы. Под его пером литовцы принимали откровенно карикатурный облик, и всё это сонмище пьяниц, лентяев и развратников противопоставлялось трудолюбивому, морально устойчивому восточнославянскому населению Литвы. Именно в этом восточнославянском населении, по признанию М. П. Смирнова, и заключалась «главная её сила» [15, с. 2]. «Без всякого сомнения, – утверждал учёный, – литовцы совершенно бы обрусели, если бы не соединились с Польшей...» [15, с. 9]. Огромное культурное влияние русских на литовцев в рассматриваемый период признают и современные польские историки [см.: 4, с. 58].

М. П. Смирнов показал весь драматизм внутренней борьбы в Литве между «русской» и «литовской» партиями. Этот процесс фиксировал ещё Ян Длугош [3, с. 10]. В Польше же важнейшим политическим вопросом одесский историк считал вопрос о престолонаследии. В его решении, по верному замечанию М. П. Смирнова,

«первую роль играют магнаты, шляхта и тесно связанное с ними духовенство» [15, с. 51]. Подробная характеристика автором положения в Польше этих ведущих социальных групп раскрывала причины их яростного сопротивления установлению самодержавной монархии в стране. Среди этих причин М. П. Смирнов выделял как политические, так и экономические, верно указывая на их связь друг с другом: «Стремление господствующего сословия избавиться от всяких податей объясняется не только с точки зрения экономической, но ещё более расширением его прав, усилением его значения, которое сделалось так важно, что повлекло за собою ограничение королевской власти» [15, с. 62].

М. П. Смирнов верно оценивал как социально-политические, так и международные последствия Кошицкого привилея: ограничение королевской власти в условиях дальнейшего усиления роли магнатов, шляхты и духовенства в государственной и хозяйственной жизни страны, априори, предполагало поиск этими социальными группами удобного кандидата на освободившийся после смерти Людовика I польский королевский престол. В изображении М. П. Смирнова ленивый, недалёкий, недействительный литовский князь Ягайло, в котором «не было ничего, чем должен отличаться король», как нельзя более подходил польскому духовенству и светским феодалам в качестве мужа дочери Людовика Ядвиге. Именно «при таком короле, – указывал учёный, – они могли смело рассчитывать на ещё большее расширение своих и без того широких прав и вольностей» [15, с. 120]. Таким образом, столь превозносимая польскими авторами Ядвига изображалась здесь жертвой феодальной политики, а вовсе не вершительницей таковой.

М. П. Смирнов верно показал и ещё одну – внешнеполитическую – причину, вследствие которой поляки сделали свой выбор именно в пользу Ягайло. В связи с тем, что ещё с XIII в. литовцы совершали постоянные нападения на Польшу, а «новые приобретения литовцев делали сомнительным самое господство поляков в Червонной Руси», последние «должны были отыскать мирные средства, которые защитили бы их от Литвы» [15, с. 98, 100; ср.: 4, с. 59]. Отметим, что характеристика ряда изложенных М. П. Смирновым причин приглашения Ягайло на польский престол получила подтверждение и в современной историографии [4, с. 59; 17, с. 29]. В то же время в этой историографии, как в российской, так и в польской гораздо больше внимания, чем в монографии М. П. Смирнова, обращается на опасность, исходящую со стороны Тевтонского ордена [4, с. 59; 6, с. 77]. Этот вектор хорошо отражён в средневековых источниках, в том числе у Яна Длугоша [3, с. 8, 30; 18, с. 523, 529].

М.П. Смирнов верно признавал огромную роль польского католического духовенства, как один из главных факторов ограничения королевской власти. Отметим, что о традиционно сильном влиянии духовенства в Польше писал ещё автор первой польской хроники Галл Аноним [1, с. 41]. Из этого признания М. П. Смирнова логически вытекали те конфессиональные требования, которые предъявили польские духовные феодалы Ягайло. Указывая на провал прежних попыток распространения католицизма в Литве, автор в то же время признавал, что её правительство, «руководимое политическими соображениями», желало сблизиться с западно-христианской Европой. Этот вывод М. П. Смирнова противоречит его же рассуждениям о вероисповедании и религиозной политике Ягайло в Литве. «Нет уже никакой возможности сомневаться в православии Ягелла», – категорично заявлял автор, – в то время как сама Литва «вполне подчинилась русскому влиянию в XIV в.» [15, с. 174]. Обратим внимание ещё на одно противоречие М. П. Смирнова. При столь острой борьбе католицизма с литовским язычеством и православием, вполне очевидна огромная заинтересованность и такая же активность в этом папской курии. Между тем в исследовании почти не отражена роль Рима в уже известных планах польского духовенства.

И всё же, несмотря на этот пробел, не религиозные, а социально-политические уступки монарха-иностранца Ягайло верно поставлены автором на первое место в продолжение той королевской политики, которая и привела Польшу к «раннему падению». Важно отметить при этом, что М.П. Смирнов не только показал историческую взаимосвязь между ростом прав и привилегий польской шляхты и ограничением власти короля. Он справедливо указал и на ослабление в связи с этим и самого польского государства: «Приучая шляхту к беспрестанным пожалованиям, не умея или...не смея ни в чём отказать ей, Ягелло и преемников своих ставил в необходимость следовать его безрассудному примеру...» [15, с. 177]. Таким образом, автором безоговорочно признавалась гибельность «первого соединения Польши и Литвы», несмотря на верно показанный им межгосударственный характер унии в Крево. В современной же польской историографии, несмотря на известное мнение Л. Зашкильняка о том, что она «очень разнообразна» [5, с. 241], историческая правильность Кревской унии не подвергается сомнению, как и намерение Ягелло именно «присоединить» к Польше Литву и Русь [4, с. 59; 6, с. 79, 80–81].

Столь ярко вскрытые М. П. Смирновым не только политические, но и социальные цели польских творцов унии позволяют несколько иначе расставить акценты в утверждении его рецензента М. Кояловича о том, что объяснение

унии автор «находит, прежде всего, в политических обстоятельствах того времени» [8, с. 153]. Впрочем, подобная корректировка мало что меняет в более чем похвальном отзыве М. Кояловича. Настоящей критике рецензент подверг автора, по сути, лишь однажды, когда привлёк внимание читателей к проблеме подлинности дневника К. Кибурга. М. Коялович считал этот дневник научной фальсификацией польских учёных. Напротив, М.П. Смирнов не только не считал этот дневник подложным, но и привёл собственный перевод его текста в качестве приложения к своей работе. Остроту научной дискуссии по данной проблеме придавало то, что дневник содержал материал о более широком, чем православие, распространении католицизма в Вильне в конце XIV в. Однако, судя по утверждению А. И. Маркевича, уже в ходе докторского диспута, который «был очень удачен», критическая филиппика профессора Ф. К. Бруна, не признававшего дневник Кибурга подлинным, заставила М. П. Смирнова изречь: «Да дайте мне ваши знания, тогда бы я не сделал *этой ошибки*» [10, с. 177] (курсив наш – С.Л.). Таким образом, по факту диссертант признал правоту своих критиков. Это признание делало его труд ещё менее уязвимым для критики. Фактически М. П. Смирнов своей диссертацией вывел исследования Кревской унии на качественно новый уровень, а основные положения его концепции, не сославшись, впрочем, на предшественника, повторил в скором времени известный киевский учёный Н.П. Дашкевич [2, с. 269-273].

Итак, концепция Кревской унии в изображении М. П. Смирнова включала в себя следующие положения: а) в унии был больше заинтересован западный сосед (Польша), чем восточный (Литва); б) помимо вопросов внешнеполитической безопасности, польские магнаты, шляхта и духовенство рассчитывали при слабом короле Ягелло ещё более укрепить своё могущество как в самой Польше, так и в инкорпорированной Литве и подчинить себе саму королевскую власть; в) уния, по-разному трактуемая в Польше и Литве, всё же являлась межгосударственным союзом; г) несмотря на это поляки использовали унию для распространения своего влияния, в том числе посредством окатоличивания литовцев; д) усиление религиозного давления и национальной дискриминации восточнославянского населения Литвы вооружило его желанием однажды торжествовать на руинах Польско-Литовского союза.

Концепция ныне забытого М. П. Смирнова особенно актуальна в настоящее время, когда её основные положения служат предостережением от того, чтобы право на новые транснациональные объединения одних народов не игнорировало историческую память других, а выгоды

высших классов не противоречили действительным интересам государства.

Перспективным направлением дальнейших исследований в данном направлении может

стать анализ концепций Кревской унии в трудах учёных Украины второй половины XIX – начала XX вв.

1. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., пер. и примеч. Л.М.Поповой. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 171 с.
2. Дашкевич Н.П. Борьба культур и народностей в Литовско-Русском государстве в период династической унии Литвы с Польшей // Университетские известия. – 1884. – №10. – С. 269–273, 278–281.
3. Длугош Ян. Грюнвальдская битва / Пер. с латинск. Г.А. Стратановского, закл. ст. Р.В. Разумовской. – М.; Л., 1962. – С. 10.
4. Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времён до наших дней. – Варшава: ПВН, 1995. – 380 с.
5. Зашкільняк Л. Сучасна світова історіографія. – Львів: ПАІС, 2007. – 312 с.
6. Ключовський Є. Історія Польщі до кінця XV ст. / Пер. Н. Яковенко. – Люблін: Тов-во Ін-ту Центр.-Схід. Європи, 2005. – 237 с.
7. Кочубинский А.А. Памяти товарищей. – Одесса: Б. и., 1876. – С. 5–8.
8. Коялович М. [Рец.] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1869. – №11. – С. 149–169 (Смирнов М. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей // Записки императорского Новороссийского университета. – 1868. – Т.2. – С. 1–259; Приложения. – С. 1–42).
9. Лиман С.И. Идеи в датах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). – Х.: ХГАК, 2009. – 688 с.
10. Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Новороссийского университета. – Одесса: Экономическая тип., 1890. – 734, XC с.
11. Митина Н.П. Смирнов Михаил Павлович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. – М.: Наука, 1979. – С. 308–309.
12. Об отпуске проф. Смирнова в Вильно на вакационное время и 29 дней с пособием из специальных сумм университета (1867) // Державний архів Одеської області. – Ф. 45. – Оп. 234. – Спр. 2576. – Арк. 1–3.
13. Попова Т.М., Самодурова В.В. Смирнов Михайло Павлович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. – Одеса, 2000. – Т. 4. – С. 138–140.
14. Протоколы заседаний Совета [имп. Новороссийского университета] с 20 января по 10 марта 1877г. // Записки императорского Новороссийского университета. – 1877. – Т. 23. – С. 1–31.
15. Смирнов М. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей // Записки императорского Новороссийского университета. – 1868 – Т. 2. – С. 1 – 259; Приложения. – С. 1–42.
16. Смирнов Михаил Павлович // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1900. – Т. 30. – П/т. 60. – С. 534.
17. Якубский В.А. Формирование и развитие феодального общества. Глава I // Краткая история Польши с древнейших времён до наших дней. – М., 1993. – С. 28.
18. Długosz J. Dzieje Polskie / Przekł. K. Mecherzynskiego. – Kraków: W druk. «Czasu» W. Kirchmayera, 1868. – Т. 2. – 1868. – 530, XXIII s.

РЕЗЮМЕ

ДО ПИТАННЯ ПРО КОНЦЕПЦІЮ КРЕВСЬКОЇ УНІЇ В ТВОРЧОСТІ

М.П. СМІРНОВА (1833 – 1877)

Лиман С.І. (Харків)

У статті розглядається наукова концепція Кревської унії (1385), висунута професором Новоросійського (Одеського) університету М. П. Смирнов у його головному дослідженні - докторської дисертації «Ягелло-Яков-Владислав і перше об'єднання Литви з Польшею». Це була перша закінчена наукова концепція Кревської унії в дореволюційній загальноросійській історіографії. На думку М. П. Смирнова, крім питань зовнішньополітичної безпеки, польські магнати, шляхта і духівництво шляхом унії розраховували при слабкому королі Ягелло ще більш зміцнити свою могутність як у самій Польщі, так і в інкорпорованій Литві. Саму Кревську унію, яка по-різному трактувалася в Польщі і Литві, М. П. Смирнов вважав міждержавним союзом.

Ключові слова: Кревська унія, М. П. Смирнов, Ягелло, Польща, Литва.

SUMMARY
TO THE PROBLEM OF KREVO UNION CONCEPT IN THE WORKS OF
M.P. SMIRNOV (1833–1877)

S. Liman (Kharkiv)

The article dwells on the scientific concept of Krevo Union (1385) as proposed by M.P. Smirnov, Professor of Novorussian (Odessa) University, in his basic study – doctor's thesis "Jagiello-Yakov-Wladyslaw and the first union between Lithuania and Poland". This was the first finished scientific concept of Krevo Union in pre-revolution Russian historiography. M.P. Smirnov supposed that Polish magnates, gentry and clergy reckoned to further consolidate due to union under weak King Jagiello their domination both in Poland proper and in incorporated Lithuania. As to Krevo Union itself, which is differently treated in Poland and Lithuania, M.P. Smirnov considered it an alliance between two states aimed against their Orthodox subjects.

Key words: Krevo Union, M.P. Smirnov, Jagiello, Poland, Lithuania.

УДК 930.1 (47787)

ЗА ОБ'ЄКТИВНЕ ВИВЧЕННЯ ІСТОРІЇ ЗАКАРПАТСЬКОЇ ІСТОРІОГРАФІЇ, АБО
ФАРИСЕЙСТВО КРИТИКА МІСТЕЧКОВОГО МАСШТАБУ

Данилюк Д. Д. (Ужгород)

У статті Д. Данилюка доведена безпідставність заперечення опонентом О. Мазурком зародження історичної думки на Закарпатті в кінці XVIII - початку XIX ст., біля витоків якої стояв І. Базилевич зі своєю працею "Brevis notitia fundationis Theodori Koriathovits ... - Cassoviae. - 1799. - Pars I - III. - 451 p.; 1804-1805. - Pars IV-VI. - 411 p. ". Помилка опонента полягає в тому, що він не читав працю І. Базилевича, не знає джерел, на основі яких вона написана і актуальних проблем, які вперше висвітлюються на Закарпатті. Не володіючи історико-критичним методом аналізу історіографічних джерел, опонент не зумів правильно оцінити творчу спадщину першого закарпатського історика і визначити його місце в історичній думці досліджуваного періоду.

Д. Данилюк ґрунтовно аналізує названий працю, визначає її науковий рівень і переконливо доводить, що саме І. Базилевич є основоположником історичної думки на Закарпатті, яку далі розвинули і збагатили М. Лучкай, О. Духнович, А. Кралицький, І. Дулішкович, Ю. Жаткович та ін. Праця І. Базилевича добре знали і високо цінували вчені-слависти Угорщини, Австрії, Чехословаччини, Росії, України.

Ключові слова: І. Базилевич, Закарпаття, основоположник, історична думка, історіографія, концепція.

Відомо, що чесна і об'єктивна дискусія сприяє підвищенню наукового рівня досліджень, і це слід тільки вітати, дедалі ближче підходячи до істини. Але, на жаль, з'являються опуси, від яких так і несе бездоказовістю, голосливими звинуваченнями, не властивими не тільки науковцю і педагогу, а й будь-якій порядній людині. З приводу цього відомий російський історик М. Полевой ще у 1829 році сказав: *"Есть два рода невежества – одно неученое, другое ученое, и второе гораздо смешнее и несноснее первого"* [1, с. 375].

До такого другого типу невігластва належить і об'ємний опус О. Мазурка, опублікований у "Науковому віснику Ужгородського університету" (2008. – Вип. 21. – С. 197–213) [2]. У ньому автор намагається безпідставно заперечити наші висновки щодо зародження закарпатської історіографії наприкінці XVIII ст., а її представників представити як таких, що якщо щось і писали, то не про насущні проблеми історії краю з позицій тогочасного стану історичної науки. Зауваження настільки бездоказові, тенденційні і галасливі від наукового розуміння спадщини закарпатських істориків кінця XVIII – XIX століть,

що можна б і не звертати на них увагу. Однак опонент на сторінках поважного видання не вгадується висловлювати свій дилетантський погляд на закарпатську історіографію. Вперше це він зробив у 1999 р. На жаль, наша відповідь у "Науковому віснику Ужгородського університету" (2003. – № 8) не пробудила в ньому почуття ні наукової, ні педагогічної етики.

Свій погляд на закарпатську історіографію О. Мазурок зводить до критики нашого аналізу праці І. Базилевича "Короткий нарис фундації Федора Корятковича...", безпідставно заперечуючи її започаткування наприкінці XVIII ст. Шкода, що нашому критику невідома наукова спадщина М. Лучкай, О. Духновича, І. Дулішковича, А. Кралицького та інших представників закарпатської історіографії XIX ст. Тому і зосередимо увагу саме на спадщині І. Базилевича для визначення її місця в закарпатській історіографії та на її оцінці відомими вченими-славистами XIX–XX ст.

Перш за все опонент ігнорує факт виходу Базилевичевої праці в 1799 (перші три частини-